

Буду твоей
ЖЕНОЙ

Александра Салиева

Александра Салиева Буду твоей женой

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Мой жених изменил мне накануне Нового года и знакомства с родственниками. И теперь мне срочно нужен новый! Только где ж его взять, если семья прибудет в город с минуты на минуту, а я сама застряла в отделении полиции?

– Вы же в правоохранительных органах работаете, правильно? А значит, должны помогать людям...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	48
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александра Салиева

Буду твоей женой

Глава 1

До наступления нового года оставалось шесть часов. По ощущениям, собственные пальцы собирались отвалиться. Жаль, не из-за игры в снежки с младшим братом. Я заканчивала писать вручную четвёртую страницу о том, как прошёл сегодняшний день.

Возможно, слегка перестаралась. На эмоциях. Ведь это едва ли половина из всего повествования о том, как я, мой жених и лучшая подруга со своим мужем сегодня посещали салон свадебных платьев, в котором у меня была назначена последняя примерка. Через две недели запланирована наша с Ромой свадьба. Которая уже не состоится. Происшествие, послужившее тому, я и описывала, раз уж сотрудник в погонах, прибывший на место происшествия, захотел знать, по какой причине мой теперь уже бывший жених доставлен в реанимацию.

И, да, я в самом деле перестаралась. На почти полностью исписанный лист бумаги упала влажная капля, скатившаяся по моей щеке, оставившая разводы на синих чернилах, а я с силой зажмурилась, смахивая непрошенные слезы.

Нет, я не стану рыдать из-за того, кто собирался отыметь в подсобке мою лучшую подругу! Вычеркну из своей жизни обоих!

Лучше сосредоточусь на том, чтобы поскорее завершить с изложением своих показаний для полиции, а затем отправлюсь домой, ведь времени, чтобы подготовиться к встрече боя курантов и без того оставалось не так уж и много. Когда я была поменьше, помнится, в это время мы с мамой и бабушкой всюю расставляли праздничные угощения на столе, заканчивали с готовкой, а потом собирались наряжаться во всё самое красивое и новое. В этом году всё иначе. Моя семья жила в области, а я переехала в Москву, получив хорошую работу.

Вот и осталась одна...

Полицейский – и тот, похоже, попросту сбежал по своим делам, оставив меня одну в своём кабинете. Примерно час назад.

Интересно, вернётся к тому времени, как я закончу?

Или где мне его потом искать?

Стоило подумать о последнем, как дверь открылась, впуская мужчину. Не того, который меня сюда усадил, вручив бумагу и ручку для дачи письменных показаний в качестве свидетеля, раз уж я наотрез отказалась обсуждать с ним вслух всё случившееся, чтобы он сам записал под диктовку. Этот мужчина был куда выше и шире в плечах, а на запястье красовались далеко не самые простые по ценнику часы. Да

и одежда на неизвестном была не полицейская, а самая обычная. Это если, конечно, привыкнуть созерцать белые рубашки и строгие галстуки.

– Добрый вечер, – поздоровался он.

Да так и завис, чуть склонив голову вбок и нахмурившись, разглядывая меня. Почувствовала себя обезьянкой в цирке. Но указывать на проявленную бестактность не стала. Ещё бы ему так не пялиться. Я ж, как свадебное платье примеряла, так в нём и осталась. Банально не до переодеваний было, когда Рома и Данил начали метелить друг друга, оскорбляя последними словами. К тому же, я его в чужой крови испачкала, когда помогала остановить носовое кровотечение новоиспечённого рогоносца. Пусть замуж мне больше не надо было, но наряд уже не вернуть.

– Добрый, – отозвалась, вопреки своим мыслям.

Обладатель белой рубашки и строгого галстука хмуриться не перестал. Но прошёл дальше.

– Я пришёл к Александру Николаевичу, но, раз уж его нет... – упомянул имя отчество полицейского, обозначив очевидное.

Явно не договорил, но почему-то замолчал. Остановился аккурат перед столом, за которым я сидела. Не сразу, но поняла, что он не просто хранил тишину. Читал. То, что я написала.

Кто бы знал, чего стоило сделать над собой усилие и не спрятать всё это!

Сжав ладонь в кулак, подавила инстинктивный порыв схватить бумажку, смять и выбросить, сконцентрировалась на взоре цвета закалённой стали. По мере того, как он сосредоточенно путешествовал по моему круглому почерку, черты лица самого мужчины становились всё более хмурыми и суровыми. А я вдруг подумала, что ему в какой-то степени даже идёт такой бескомпромиссный и волевой образ. Да и вообще показалось, что такой как он не умеет улыбаться.

Кстати, о том, кто тут и какой:

– А вы?.. – озадачилась.

«Кто?» – закончила про себя.

С учётом услышанного мной от него, явно не в этом кабинете работал. А мой вопрос расценил по-своему.

– Роман, – представился. – Владимирович, – добавил через небольшую паузу, поднимая взгляд от листка бумаги к моему лицу. – Агеев. А вы?

Роман...

Вот почему не Паша какой-нибудь?

Или Серёжа. Василий. Саша. Виктор.

Да хоть кто!

Только не Рома...

– Лера, – подумала немного и также добавила – Тоже Владимировна. Ларина, – отзеркалила на его манер.

Почти поверила, что он не только оценит, но и улыбнётся. Но нет. Краешек его губ пополз в сторону в намёке на усмешку, не более того. Хотя удивить меня мужчина всё равно су-

мел.

– Принесу вам горячий чай, – сообщил, после чего развернулся в сторону выхода из кабинета.

Почти ушёл. Схватился за дверную ручку, которую повернул, чтобы оттолкнуть от себя, когда я опомнилась.

– Спасибо. Не нужно.

Так и не ушёл. Развернулся, вопросительно выгнув бровь. И заметил ровным, ничего не выражающим тоном:

– Нужно. Вы замерзли.

Мой взгляд моментально опустился к груди, плотно перетянутой белоснежным кружевом.

Почему именно к груди?

Как подумала, так и устыдилась. Очень понадеялась, что он не заметит. А Роман Владимирович или в самом деле не заметил, всё-таки мои мысли неслись со скоростью света, или же вежливо сделал вид, что так оно и есть.

– А с чего вы взяли, что я замёрзла? – переключилась на иное.

Не из вредности. Просто очень интересно стало. Я ведь и правда замёрзла. Причём, давно. Сейчас, когда он заговорил об этом вслух, так и вовсе... пиджак, которого у него при себе не было, захотелось попросить его принести, а не чай. Не люблю я чай. Предпочитаю кофе. Всегда. Хотя вот прямо сейчас я предпочла бы даже не кофе. Уж лучше – провалиться сквозь землю, когда собеседник на мой вопрос одарил снисходительным взором, в котором так и читалось

о том, что догадаться совсем нисколючко не сложно. Так и сказал:

– Здесь холодно. А вы тут давно.

И не поспоришь ведь. Очень уж элементарной оказалась прозвучавшая из его уст правота.

Но я всё равно внесла небольшим уточнением:

– А можно не чай?

Запиликал мой лежащий неподалёку телефон. Пока я отвлеклась на то, чтобы посмотреть, кто именно мне звонит, мужчина ушёл, так и не ответив.

Вот же...

И не только то, что я так и не поняла, до какого итога мы с ним договорились. Звонила бабуля. А вместо того, чтобы сбросить вызов, я – наоборот, случайно его приняла.

Не вырубать же теперь, как последняя трусиха?!

Всё равно спалилась.

Очень уж заинтересованно уставилась на меня мамуля моего папы, первым делом оценив то, во что я одета.

– Лерочка, золотце, а что это ты такая красивая? – прищурилась она подозрительно, но ответа дожидаться не стала, сама все нужные ей выводы быстренько сделала: – Вы разве не в январе расписываться с этим твоим Ромашкой собирались?

Собирались, ага. Как собирались, так и не собираемся больше.

Но о том я ей конечно же, не сказала. И даже не пото-

му, что мне было стыдно признаться в своей непроходимой глупости, да и никакого желания обсуждать полнейшее фиаско в моей личности тоже не было. Совсем недавно бабуля перенесла операцию на сердце. Мы её чуть не потеряли. Ей противопоказан любой стресс. А она у меня жуть какая впечатлительная. Точно расстроится, переживать будет, потом у неё обязательно давление поднимется, а там и до нового приступа недолго.

Нет уж! Новогодние праздники мой неверный жених точно больше никому не испортит!

Соответственно...

– В январе, бабуля, в январе, не переживай. Это просто примерка, после того, как длину платья уменьшили, – завершила я.

В горле встал ком горечи. Но я постаралась улыбнуться, как можно беспечнее. Потом ей правду скажу. Не сегодня. Когда она хоть немного окрепнет. И я. Когда обсуждать подобное вслух станет не настолько остро больно. Например, весной. Или через полгода. На Рождество я всё равно обещала приехать к ним одна, а будут спрашивать, придумаю что-нибудь.

– А-аа... – протянула бабуля. – А то я уж подумала, что, раз твоему Ромашке вечно некогда даже с нами познакомиться, то вы и расписались тоже сами по себе, – проворчала. – От вас, молодёжи, чего угодно ожидать можно, не удивлюсь, если и правнуков моих мне не покажете, пока в этом

своём мегаполисе, как белки в колесе крутитесь, да в пробках вечно стоите... – закончила себе под нос совсем уж недовольно, помолчала немного и снова недоверчиво прищурилась: – А ты где, Лерочка? Какое-то странное ателье у вас там. На ЗАГС похожее... – опять неладное заподозрила.

Вот тут нервничать уже я начала!

За моей спиной красовался здоровенный и красивущий герб нашего государства. Такой при всём желании не заметить сложно.

И вот что сказать?

Что никакой это не ЗАГС, просто мой жених – очень-очень сильно патриот?

Если признаюсь, что сижу в отделении полиции, спокойствия ей это точно не прибавит. Две минуты не пройдёт, как все родственники об этом узнают. А потом всем до единого, на манер попугая, рассказывай, что я там делаю, по какой причине оказалась в таком положении в предновогодний вечер и тому подобное.

Ни за что!

– А ты сама где? – нагло ушла я от ответа и тоже прищурилась.

С освещением на картинке экрана была беда, но автомобильное сиденье я различила, значит бабуля куда-то ехала, и явно не одна была.

– И с кем? – добавила.

– Так с кем я могу быть? – моментально округлила гла-

за моя собеседница. – С Вовушкой, конечно. Мы тут это... в гости едем!

Изображение на экране смазлось, когда телефон повернули в сторону водителя. Папа тут же приветливо помахал мне. Как и мама, и брат, сидящие на заднем сиденье.

– Привет! – поприветствовали они хором.

– Привет, – улыбнулась всем сразу и я.

– Ты там со всеми своими примерками заканчивай. Что за примерки вообще, когда скоро ночь на дворе? – заявил театрально сурово папа, едва картинка снова оказалась сосредоточена на нём.

– Угу, скоро закончу, – почти не соврала.

Правда, не примерку, а показания свои расписывать я скоро закончу. Но да ладно. Тем более, что вскоре и не до того стало.

– Заканчивай и домой езжай. Вы ведь у тебя дома Новый год встречать собирались, кажется, да? – поинтересовался папа. – Планы не поменялись? Что на стол поставить решила?

Последнему вопросу я не особо удивилась. Родитель у меня всегда любитель вкусно покушать и побольше. Даром, что выглядит худым, как щепка. Но насторожило другое:

– А вы в гости едете... к кому? – поинтересовалась я.

Вот тут папа странным образом замялся. А бабуля экран обратно к себе развернула. Я же ещё больше прежнего задумалась о том, что моя семья предпочитает встречать семей-

ные праздники в кругу своей семьи, на то праздники и считаются семейными.

А теперь вдруг куда-то собрались?

Самое время совсем ведь не по гостям разъезжать, а новогодний стол дома готовить. Тем более, что обычно не мои родители к кому-то, а наоборот, к себе всех всегда звали.

И я оказалась права!

Поняла это, как только бабуля таинственно вздохнула.

И промолчала!

– Ой, да ладно вам, она и так уже обо всём догадалась, – донёсся громкий вопль с заднего сиденья от самого младшего из всех. – К тебе мы, Лерка, едем, к тебе!

Как ко мне?

Вот прямо сейчас?!

Тогда, когда я...

Совершенно не готова к такому повороту событий!

Это что же...

Это же...

Это...

Полнейшее фиаско, братан!

Последнее – чуть вслух не лягнула. В последний момент себе язык прикусила. И то лишь потому, что дверь в кабинет открылась. Роман Владимирович вернулся. Не с пустыми руками. С двумя бумажными стаканами, закрытыми поверху пластиковой крышкой. Судя по рисунку кофейных зёрнышек на них, внутри значилось аккурат то самое, что я хотела.

Срочно пора закругляться!

– Ладно, мне пора, нужно закончить все свои дела поскорее, раз вы приедете, – нашлась я с первым же подвернувшимся предложением закончить разговор.

Не тут-то было!

Я пока туда-сюда крутилась, чтобы увидеть, кто вошёл, а сам мужчина в этот момент целенаправленно шёл в мою сторону, бабуля всё это дело тоже заметила.

Но о том я не сразу узнала.

Сперва:

– Спасибо, Ром... – собралась поблагодарить того, кто принёс мне живительный согревающий напиток, который поставили передо мной.

Но не договорила!

Продолжение в виде «...ан Владимирович» – потонуло в счастливом вопле одной коварной особы.

– Нет, ну если бы у меня был такой жених, мне бы тоже сразу стало пора! – заявила бесцеремонно бабуля.

Да с такой елейной улыбочкой, что я аж собственным вздохом подавилась. И подавилась повторно, сразу, как только поняла, что Роман Владимирович в этот момент аккуратно рядом со мной стоял, и она имеет в виду не кого-то там, а именно его! И на этом женщина, между прочим, преклонных лет, вовсе не остановилась.

– Добрый вечер, Роман, – сообщила деловито.

Тот, который Роман, правда не мой, то ли очень вежливым

оказался, то ли к старшим всегда испытывал безоговорочное глубокое уважением, то ли банально всей ширины наметившейся подставы для себя не уловил.

– Добрый вечер... – поздоровался в ответ.

– Раиса Павловна, – подсказала всё с той же елейной улыбочкой не в меру болтливая старушка. – Бабушка Леры я, – добавила с гордостью.

– Приятно познакомиться, Раиса Павловна, – отозвался Роман Владимирович.

А я как представила себе, всё что будет дальше, так мне сразу и поплохело. И совершенно напрасно я на это отвлеклась, потому что пока я представляла, «будет дальше» сразу же и наступило.

– Хорошо, что наконец мы с вами и правда познакомились! – радостно выпалила бабуля.

Не менее радостно она повернула экран в сторону остальных, которых поочередно представила. Уж не знаю, о чём подумал мужчина в этот момент, но стойко вытерпел. Хотя если бы и не вытерпел, разве у него оставался хоть какой-либо шанс? Ему ж и слова вставить не давали, бабулю понесло и останавливаться на этом она вовсе не планировала. Припомнила не только имена моих родителей и брата, но и не забыла предъявить в жалостливом тоне, что такая вся из себя стеснительная я никаких их всех с ним не знакомила.

Где-то здесь я решила, что не так уж и сильно люблю Новый год! И своих родственников – тоже!

– Скоро увидимся! – постановила уже вслух, прежде чем отключиться, пока всё не стало совсем плохо.

И так оправдываться теперь перед мужиком!

Хорошо, ему кто-то позвонил, он отвлёкся и вышел в коридор, предоставив мне время на сочинение подходящих оправданий. Решила быть честной. Как есть, так и поясню, всё-таки ему сердечный приступ не грозит.

Зато грозит в ближайшем будущем мне самой!

Я ведь так и не узнала, как далеко им осталось, и сколько часов у меня есть до этой надвигающейся катастрофы. Обречённо вздохнула. Кофе глотнула. Он оказался на удивление вкусным. И с молочной пенкой, как я люблю. Настроение это заметно прибавило. Я же отправила маме сообщение. Ответ получила сразу.

“2 часа” – обозначила она расчётное время в пути.

Даже если добавить особенно активизировавшиеся ещё в предпраздничные будни пробки, всё равно не так уж и много. Я сама до своей квартиры минимум минут сорок добираться буду. Это если повезёт. Но на своё везение я не рассчитывала. Даже если бы оно внезапно на меня и свалилось, то всё равно не помогло бы с вопросом отсутствия жениха, который сейчас в реанимации, да и вообще мудака последний, видеть его не хочу, уж тем более семье своей показывать и знакомить с ними. Тем более, что они решили, что жених у меня – совсем другой!

Но это ладно. Честно признаю, что бабуля просто всё пе-

репутала. А это... просто знакомый. Мало ли скольких Ром я знаю в этом городе, не такое уж и редкое имя.

А где тогда настоящий жених?

Скажу, что его срочно по работе вызвали?

Ага, сразу на все новогодние каникулы.

В командировку?

Тоже бред.

Может, ему понадобилось уехать к его семье?

Потом ещё и с этой проблемой справляться, если родители тоже надумают к ним поехать, чтобы всё-таки познакомиться.

И тогда...

Что?

Без вариантов.

Если только не...

Подняла взгляд на того, кто кофе мне принёс. Он не только закончил свой телефонный разговор, вернувшись в кабинет, но и расположился напротив, сложив руки на груди, разглядывая так, словно о чём-то сильно призадумался на мой счёт. И нет, чтоб мне сразу начать объясняться и извиняться за всех своих родственников. Подумала о том, что у него имя – то самое. И пусть сначала я плохо к этому отнеслась. Но теперь оценила иначе. А ещё подумала о том, что я не только в отчаянии, но и, похоже, схожу с ума. Вслух же аккуратно поинтересовалась:

– Вы же в правоохранительных органах работаете, пра-

вильно? А значит, должны помогать людям.

В серых глазах промелькнула заинтересованность.

Это придало смелости.

– Поможете и мне?

Заинтересованности в мужском взоре стало больше.

А вот моя смелость моментально испарилась!

– Можете забыть обо всём том, что сейчас произошло? – предложила совсем не то, на что почти решилась, взмахнув рукой в воздухе, обводя помещение.

И хорошо, что не выдала эту свою нелепую просьбу-признание. Если бы он принял меня за сумасшедшую, как бы я потом ему в глаза смотрела? Даже если видела его последний раз в жизни.

Отчего-то вдруг очень уж ярко и остро не захотелось взглянуть в его глазах совсем дурно. Тем более, что в следующую секунду наше условное единение перестало быть таковым. Хозяин кабинета вернулся.

– Вы закончили? – обратился первым делом ко мне Александр Николаевич. – Вот. Здесь всё, – добавил уже не для меня, поравнявшись с Романом Владимировичем, вручив внушительную стопку папок.

Если способность здраво мыслить мне не совсем отказала, выходило, что они друг друга где-то всё-таки успели найти, и даже обсудить что бы то ни было.

– Да, я почти закончила, – отозвалась и я.

Кажется, враньё начинало входить в мою привычку.

Очень плохую!

Чтоб от неё поскорее избавиться, решила и в самом деле закруглиться поскорее, избавившись от всех своих запланированных мыслей по поводу излагаемого повествования. Особенно из памяти.

– Я посмотрю и сообщу, – обратился Роман Владимирович в свою очередь к Александру Николаевичу.

Кивнул мне в качестве прощания, перехватил полученные документы иначе, после чего ушёл. А вот я осталась. Несмотря на то, что последних двух свободных сантиметров на почти исписанном четвёртом листе мне вполне хватило, чтобы изложить сжатую краткую версию того, о чём прежде ещё не написала. Уложились в минуту, не более. И всё равно провела в этом кабинете ещё минут двадцать – не меньше, пока полицейский перечитывал мою писанину. На три раза перечитал. Я в это время тихонько сгорала от стыда и пряталась за стаканом с кофе, который закончился ещё на первой половине обозначенного времени. Но и переписывать всё заново, куда более беспристрастно тоже никакого желания не было, поэтому весь свой позор я также благополучно решила позабыть, как и недавнее происшествие с участием Романа Владимировича.

– Хорошо, а теперь вот здесь нужно добавить: «Об ответственности по статье 307 УК РФ предупрежден», – ткнул пальцем в бумагу полицейский, наконец, закончив изучать мои далекие от шедевральности мемуары.

Формулировка напрягла. Вероятнее всего, послушно записав требуемое, я проявила не особую осмотрительность, поскольку даже не уточнила, что за статья такая, о которой он говорил, и под чем я подписывалась. Как представила себе, что сейчас мне расскажут долгую и нудную лекцию о нормах права, так и не стала уточнять. Я ведь и так закон не нарушала, значит мне и опасаться нечего? Вот и ладно. Тем более, что и на этом моя пытка не сразу закончилась. Пришлось поставить подпись с расшифровкой не только под самой формулировкой, но и ещё несколько раз в других местах, прежде чем я получила дозволение вернуться домой.

Из кабинета я практически бегом сбежала!

Даже забыла уточнить, где у них мусорка. Пустой стаканчик из-под кофе с собой прихватила. Вызвала через приложение такси. То, как назло, подбираться никак не желало. Несмотря на то, что ценник значился в четверо дороже обычного. Ещё бы. В такое-то время. Не нашлось оно и после того, как я спустилась с четвёртого этажа на первый, а там и до самой улицы оказалось недалеко.

Хоть попутку лови!

До станции метро мне точно не добраться. Если только не околею до такой степени, чтоб ангину подхватить, если не что-нибудь куда более серьёзное.

А пока в полнейшей досаде смотрела в экран и думала о том, что мне опять не везёт...

– Где ваша верхняя одежда? – донеслось хмурое и вполне

знакомое передо мной.

Хорошо, он сказал, а я расслышала. Иначе бы наткнулась на стоящего, не особо глядя перед собой, пока шла на выход. Застыла в полушаге от Романа Владимировича, который, оказывается, не совсем ушёл.

– Нет её, – призналась с усталым вздохом.

Кажется, у меня начинала болеть голова. То ли от перегруза событий на сегодняшний день. То ли я слишком часто тупить начала, и мозг банально не справляется.

– То есть, вы в таком вот виде на улицу собрались? – нахмурился ещё заметнее мужчина.

Виновато улыбнулась.

Вину я испытывала в первую очередь перед самой собой. Всё-таки прежде я себя любила и уважала заметнее. Вот и он, вероятно, рассудил, что я совсем безголовая и безответственная. Хмуриться не перестал.

– Подождите, – бросил коротко.

И сам на улицу направился. При всём при том, что едва ли был одет теплее, нежели в том виде, в котором мы с ним познакомились.

– Каким образом добираться будете? – поинтересовался он снова, как только вернулся.

В его руках была мужская дублёнка. А я банально подзависла, так и не ответив, когда он, наряду со своим вопросом, накинул мне её на плечи. Вещь, с виду казавшаяся не такой уж и громоздкой, по ощущениям была не только тёплой, но и

тяжёлой. А может, вовсе и не из-за самой куртки я так отреагировала. Просто пахло от мужчины на удивление заманчиво и притягательно. Чем-то хвойным, пряным и цитрусовым. Почти, как Новый год. Но и нет. Не настолько явно. Почти неуловимо. Если бы не оказался настолько близко, едва ли различила бы.

А может, у меня просто галлюцинации на фоне нервного перевозбуждения?

Да, наверняка оно!

Иначе как объяснить, что я не только чужую вещь приняла, но и согласно кивнула на последующее:

– Понятно, – угрюмо заметил Роман Владимирович, посмотрев на экран моего гаджета. – Идёмте.

И да, мы впрямь пошли.

Вместе.

Куда?

Я даже не вспомнила о том, чтобы спросить.

Глава 2

Внутри здоровенного серебристого Паджеро было настолько тепло, что не прошло и десяти минут, как в дублёнке стало жарко. Аккуратно стащила её с себя, хотя не полностью, начиная догадываться, по какой причине водитель пребывал в одной рубашке. Новогодние пробки между тем превосходили все мои ожидания. Мой спаситель, как вырулил на главную улицу, так мы и застряли перед первым же светофором. Это окончательно разрушило все остатки моего оптимизма к благополучному исходу сегодняшнего вечера. А я сама вспомнила кое о чём ещё, что являлось определён-но важнее всего остального:

– Вас, наверное, ваша семья ждёт, а вы тут... со мной... возитесь, – обронила виновато.

Нет, я была безусловно благодарна мужчине за то, что не остался равнодушным, не бросил меня в такой ситуации, иначе бы я и к бою курантов, скорее всего, не добралась бы до своей квартиры, адрес которой Роман Владимирович спросил сразу, как только мы оказались в салоне его внедорожника, а тот тронулся с места. Но если прикинуть, какое количество времени ему теперь из-за меня придётся потратить, прежде чем усесться за свой новогодний стол, сталоновилось откровенно совестно.

– Уж кого-кого, а *меня* – моя семья точно не ждёт, – усмех-

нулся водитель.

От его ответа аж немножечко полегчало. Но потом опять стало совестно. Разве можно радоваться такому?

– Почему? – поинтересовалась аккуратно.

– Я в разводе. Сын живёт с бывшей женой. Она... ушла к другому.

Вспомнила, как Роман Владимирович перед тем, как забрать меня с собой, прихватил кучу папок, то есть взял работу на дом. Трудоголик. А ещё подумала о том, что часто ведь так бывает, когда мужчина слишком много работает, как бы прискорбно то ни звучало. Я ведь только теперь обратила внимание на полоску-след, оставшийся от кольца на безымянном пальце правой руки.

Что я там про угрызения совести думала?

И пусть я тут совсем не причём.

Но ведь сама же завела эту тему.

В такой вечер!

Можно подумать, поговорить больше не о чем.

А ещё лучше, вообще не говорить!

Молчать.

На том и сосредоточилась, отвернувшись к боковому окну, рассматривая праздничные огни, сияющие повсюду.

Честно выдержала минут десять!

– Там, в кабинете Александра Николаевича, когда я разговаривала со своей семьёй, бабуля вас с другим человеком перепутала, вы уж извините, неудобно получилось, – раска-

ялась вслух, повернувшись к мужчине.

Подумала, увижу ещё одну усмешку, скользнувшую по его губам. Но водитель сохранил отстранённость.

– Я так и понял, – только и сказал.

Хм...

Что ещё он понял в таком случае?

– С моим женихом она вас перепутала, – добавила, продолжая внимательно наблюдать за собеседником.

Он и тогда в лице не изменился.

– Интересно, почему.

Вроде бы и не вопрос. Но так и требует пояснения.

– У вас с ним имена одинаковые. А я их так и не познакомила, – вздохнула.

– Об этом я тоже догадался, – отозвался Роман Владимирович.

Больше ничего говорить не стал. Но в воздухе повисла недосказанность.

Или я сама её себе придумала?

Очень уж упорно мозг возвращался ко второй его фразе, где «Интересно, почему». Ведь если и сам догадался об обозначенных нюансах, тогда... что ему ещё интересно?

Так и подмывало спросить напрямую.

Но я не стала.

Продолжила додумывать сама!

Он, может, и не имел ввиду ничего такого, но по истечению следующих десяти минут я все выводы всё-таки сделала.

Те, при которых стоило бы сдаться с повинной в том, почему бабуля перепутала Романа Владимировича с другим Романом, а я её не поправила, да и вообще почему я в принципе допустила ситуацию, при которой чужого мужчину можно перепутать с моим женихом.

Правду говорят, много думать вредно!

Я ж сперва надумала себе, потом принялась думать о том, как перестать об этом думать. Потом ещё и о том, как теперь промолчать. А никак. Не умею я долго молчать.

Вот и...

– У бабули слабое сердце. Ей нельзя волноваться. Вот я им и не рассказала, что нет у меня больше никакого жениха.

Сперва лягнула. Потом поняла, что как-то слишком уж издалека я начала. Пожалела. И пожалела вдвойне, как только услышала в ответ:

– Вам не обязательно передо мной оправдываться.

И то верно.

Тогда почему очень уж хочется?

Но язык я себе всё-таки прикусила.

Удалось даже сохранить это своё страдальчески молчаливое состояние до самого конца нашего пути.

А вот по выходу из машины...

– Не стоит. Оставьте пока у себя, – постановил бескомпромиссным тоном Роман Владимирович, едва я собралась вылезти из машины, оставив дублёрку на сидении.

Он не только безжалостно пресёк мою попытку избавить-

ся от верхней одежды, но и вышел на улицу первым, сам открывая дверь с пассажирской стороны.

– Но тогда вы потом замёрзнете, – возразила.

Заманчивую мысль о том, что если всё-таки приму, значит, мы увидимся ещё раз, я безжалостно отогнала.

С чего бы мне вообще об этом думать?

– Я привычный. Закалённый. А вы можете простудиться, – отозвался, помогая выбраться наружу.

С учётом, что подшитое платье всё равно было длинным, за это моему спасителю отдельная благодарность, иначе бы с моим везением я обязательно запуталась бы в подоле, пока спускалась с высокого порога машины. Хотя, пока спускалась, дублёнка всё равно соскользнула с плеч. Это моё недоумение Роман Владимирович тоже своевременно предотвратил.

– Спасибо, – поблагодарила с улыбкой, отпуская прежде подхваченный подол платья, чтобы самостоятельно перехватить ворот верхней одежды.

Да так и застыла, нечаянно коснувшись пальцами чужих ладоней. И нет, не в самом прикосновении дело.

В том, что...

– Леркаа-ааа! – разнеслось на всю округу громкое, звонкое и залиvistое от младшего брата.

Который, конечно же, был не один. Вся моя семья пожаловала. Глядя на их приближение, я вцепилась в мужские ладони сильнее. Нет, не потому что мне теперь отчаянно тре-

бовалась поддержка, особенно с его стороны, хотя и это тоже. Слишком крепко призадумалась о том, смогу ли собственными усилиями скоренько запихнуть мужчину в его машину и спровадить отсюда, пока моя семья до нас не добралась. А то если буду ему всё объяснять, точно упущу ту жалкую возможность, что ещё оставалась.

Что им самим потом скажу?

Да какая разница!

Всё удобнее, чем...

– Лерка! Лерка! Мы салюты привезли, представляешь?! – продолжал стремительно сокращать дистанцию между нами младший брат, а вместе с ним и остальные.

Справедливо рассудила, что собственных сил не хватит. Как и оказалась права по той части, что времени на пояснения в целях спасительного побега тоже не будет.

– Роман Владимирович, спасибо вам за всё, но вы не могли бы... – только и успела выдать из себя я, когда маленький торнадо, сотканный из счастья и радости, повис на мне, лишая возможности договорить.

– Папа обещал, что вместе их будем запускать! – не менее радостно и счастливо сообщил Никита.

Виснуть на мне тоже не перестал. А ещё – дёргать за рукав, не дождавшись нужной ему от меня реакции.

– И тебе привет, ага, – вынужденно сдалась, обнимая малого в ответ.

На многословие оказалась не способна. Трудно поддержи-

вать развёрнутый диалог, когда параллельно приходится молиться, креститься и придумывать будущую оправдательную речь, притом не только перед семьёй.

Те, к слову, тоже аккурат пожаловали.

Самое худшее, радости и счастья мелкого совсем не разделяли. Бабуля – и вовсе нахмурилась, уперев руки в бока, с подозрительным прищуром разглядывая меня и будущую жертву своего негодования, то есть Романа Владимировича.

– А говорила, не ЗАГС, – поджала губы.

Обращалась ко мне, но смотрела исключительно на моего сопровождающего. Тот, к слову, всей глубины грядущей подставы ещё пока не ощутил.

– Ещё раз здравствуйте, Раиса Павловна, – приветливо ей улыбнулся. – С Наступающим вас.

И тут что-то совсем уж неожиданное случилось.

Может, всё дело в его улыбке?

Я ведь и не надеялась уже познакомиться с ней. Почти разуверилась в том, что этот человек вообще способен улыбаться. Суровые черты мужского лица настолько преобразились, что я аж подзависла немножечко. И не я одна настолько прониклась. Бабуля в один момент позабыла обо всей своей будущей отповеди. Заулыбалась в ответ до того широко и жизнерадостно, демонстрируя всем красоту своей вставной челюсти, что я прифигела вдвойне, пока Роман Владимирович продолжился здороваться с остальными, пожимая руку отцу.

– Как это вы тут так быстро оказались? – опомнилась я, пусть и не сразу. – Я думала, вам ещё два часа ехать до города.

Не то чтоб я была действительно недовольна, но если бы они приехали позже, я бы успела переодеться и приготовить к их приезду, а не вот это вот всё. Да и лучшая защита – нападение. Особенно, если нечего сказать в своё оправдание, а врать не хочется, только если в качестве крайней меры для всеобщего спасения.

– Не до города, а по городу, – с важным видом поправила меня мама. – Так навигатор показывал.

Обречённо вздохнула. Мысленно попросила у дедушки Мороза больше меня так в этом и будущем году не подставлять.

– Пробки – жуть! – подхватил Никита. – Но потом мы пристроились за скорой с мигалкой, – добавил со смешком пополам с гордостью.

– На встречку не выезжали, – оправдался на это папа. – Да и не мы одни пристроились. Зато приехали пораньше, – развёл руками.

Последний жест не остался незамеченным.

– Папа, ты забыл салюты! – донеслось тут же возмущённое от Никиты.

– И всё остальное тоже, – подхватила и мама.

– Вернусь к машине, – покладисто согласился папа.

– Помощь нужна? – предложил Роман Владимирович.

И только я подумала о том, что хороший ведь повод, чтоб аккуратно свалить, если вовремя вступить с папой в сговор, как...

– Никитка поможет! – завозмушалась уже бабуля, махнув на них рукой. – А вы тут полураздетые вообще стоите оба! – обвиняющее ткнула в меня и Романа Владимировича пальцем. – А ну, марш быстренько домой! Дома ваш «Не ЗАГС» и всё остальное обсудим, – скомандовала следом.

И ладно, если бы просто сказала. Тут же взяла в оборот нас обоих. Под руки то есть подхватила. И за собой к подъезду потащила. Старушка-старушкой, но иногда кажется, что в ней живёт как минимум носорог.

А ещё кажется, катастрофы всё-таки не избежать!

Вот за что мне всё это?

Нет, конечно, понятно, за что...

За враньё!

Но... за что?

Почему, чем дальше, тем хуже?

Я ведь всегда старалась быть примерной дочерью и внучкой, помогать семье, даже работала сверхурочно, если того требовали обстоятельства, лишь бы у всех всё было хорошо.

Так за что?!

Сколько ни задавалась этим вопросом, ответ никак не приходил. Зато я почти решилась на чистосердечное признание, чтоб не стало ещё хуже, чем уже есть. Но сперва аккуратно уточнила у бабули:

– Бабуля, а как ты себя чувствуешь?

Моя кареглазая бестия тут же состроила недовольное лицо. Не любила она, когда у неё про здоровье спрашивали. Но всё-таки ответила, хотя и ворчливо:

– Правнуков уж точно от вас дождусь, – гордо задрала нос. – Надеюсь, как раз в году, который скоро встретим, – подмигнула мне нахально.

Я аж своим вдохом подавилась. Закашлялась. На третьёго из нас старалась упорно не смотреть. И без того очень красочно представила себе все то, что Роман Владимирович сейчас мог подумать.

– Я не настолько глобально имела ввиду. Лишь подумала о том, что ты, наверное, устала с дороги, – тоже проворчала я.

Глядела исключительно на кнопки лифта. Красивенькие они. Новые. Не зря я свою двушку в новостройке выбрала.

– Ой, с чего бы мне устать? Сиди себе, да сиди, ничего не делай, – отозвалась бабуля. – Чай, не вагоны с углём ночь напролёт разгружать, – рассмеялась. – С утра давление было сто девяносто, но ничего, Мариша мне таблетки перед выездом подавала, так что хорошо доехали, не переживай, Лерочка.

– Угу, – протянула я уныло, засомневавшись в своей идее о чистосердечном признании. – А с собой ещё взяли?

– Взяли, конечно, – подтвердила бабуля.

Лифт доехал до нужного этажа. Роман Владимирович вышел первым. Прицепившаяся к нему бабуля – второй. А я

только тогда опомнилась... в подъезд мы зашли, когда кто-то из него выходил, не потому что я дверь открыла. И ключей у меня при себе не было. Они в пуховике остались.

Который...

Да что ж такое-то?!

– Ну, ты чего застряла? – заметила моё замешательство бабуля, обернувшись.

– Ключи. Я их забыла... – вздохнула.

Собиралась объяснить подробнее, но самая старшая из нас страдальчески закатила глаза.

– Хорошо, что у меня есть. Как знала, у Вовушки твой дубликат взяла, – покачала головой, потянувшись к карману своей шубки.

Как существенный плюс, мужчину ей пришлось отпустить. Как существенный минус, из лифта мне всё же пришлось выйти, а возможности ретирования в целях добычи ключей, я и Роман Владимирович лишились.

– А про внуков, это я серьёзно, – очевидно, решила добить меня моя предусмотрительная родственница. – Смотрите у меня, – пригрозила указательным пальцем, прежде чем отдать мне вытащенные ключи. – Ничего не знаю, к следующему Новому году, чтоб в нашей семье случился ещё плюс один, – заявила сурово.

– Ну что ты, бабуля, какие правнуки? – моментально возмутилась я, всё ещё упорно не глядя на Романа Владимировича. – Я только-только ипотеку взяла, за неё ещё платить

и платить, – отмазалась, как смогла.

В последнем собственный голос прозвучал убедительно ровно. А вот руки откровенно потряхивало от нервного перенапряжения, так что ключ в скважину я вставила не с первого раза. И даже не со второго.

– Ипотеку она взяла, – фыркнула на моё высказывание бабуля. – Тем более пора, значит! – осталась непреклонна. – Ипотеку взяла, в платье свадебное влезла, а дальше что? Вы мне эти ваши современные чай-фри-мафри всякие бросайте, не доводите меня лучше, а то и правда правнуков не дождусь, так и помру в ожидании, – добавила опять сурово.

Самое худшее – не для меня. Для Романа Владимировича. Тот... святой человек! Промолчал. А я, наконец, дверь открыла.

– Не чай-фри, бабуля. Чайлдфри. От английского «свободный от детей», – поправила я её.

Просто потому, что сказать больше нечего!

Мне.

Но не ей.

– Ох, как же у тебя хорошо тут всё устроено, – перешагнула порог бабуля, оглядываясь по сторонам.

Иногда нам всем везёт, и она быстро переключается. Да и в обустройстве своей двушки я в самом деле очень постаралась. Как говорится, всю душу вложила. К тому же, во многом помогли родители и рассрочка в ИКЕА.

– Спасибо, – улыбнулась я ей в ответ.

Бросив ключи на комод, помогла ей раздеться и снять обувь, верхнюю одежду убрала в шкаф, встроенный в стену. А вот ту, что на мне – снимать не стала. По крайней мере, не так сразу. Сперва дождалась, когда бабуля пройдёт дальше в гостиную, совмещённую с кухней. У меня ж здоровенное кровавое пятно на платье. Увидит, новые вопросы задавать начнёт. У неё их и без того, явно немало скопилось. Зная её, я точно знала: всё, что было до этого момента – исключительно прелюдия. Настоящая пытка начнётся чуть позже, когда у неё группа поддержки в лице моей мамы прибудет.

– Раз уж так получилось, может, хотя бы чаю выпьете? Или кофе, – понизила я голос, набравшись смелости, обратившись к тому единственному из нас, что до сих пор оставался на пороге.

Явно собирался уйти. Скорее всего, не попрощавшись. По крайней мере, любой другой именно так и поступил бы. Та же я, будь на его месте, уж точно. Удивительно, как Роман Владимирович вообще ещё не сбежал и всё это выдержал.

– Не хочется вас смущать, – мягко улыбнулся он.

Всё-таки ему идёт улыбаться.

Очень!

– Если кто кого здесь и смущает, так это точно не вы, – хмыкнула ему в ответ, обернувшись в сторону бабули, которая продолжала свои исследования по моей квартире.

Остановилась аккуратно перед ёлкой, разглядывая пуши-

стые веточки, украшенные золотистыми и серебристыми шарами, разбавленными пышными бантами и гирляндой в тон выбранной гамме. Несмотря на то, что на все эти украшения я потратила треть своей зарплаты, мне и самой очень нравилось, как получилось. Теперь вдвойне рада, что не стала экономить, с учётом, что вся моя семья пожаловала. И не я одна думала о чём-то подобном.

– Как всё-таки хорошо, что и этот Новый год вся наша семья снова будет отмечать вместе, – радовалась бабуля с улыбкой.

– Угу. Очень хорошо, – согласилась я с ней. – Вы проходите, пожалуйста, – добавила уже для Романа Владимировича. – Буду рада, если останетесь хотя бы ненадолго.

Про ёлку я уже забыла. Про совместные с моим бывшим женихом фотографии в рамках вспомнила. Их было в моей квартире на всеобщее обозрение всего две. Прежде казалось – маловато. Но не теперь. К обеим поочерёдно я и кинулась.

– Включу чайник! – оправдала своё бегство, как смогла, хватая компрометирующие улики, пока их не обнаружили.

Диверсия по изъятию изображений не того Романа прошла успешно. Не менее успешно я прихватила с журнального столика пакет из ювелирного, который доставили этим утром. В упаковку для созданных на заказ обручальных колец я спрятала обе рамки с фотографиями, пока двигалась дальше. Забрала их с собой на кухню. Сперва туда, где дей-

ствительно включила не только чайник, но и кофемашину, уже потом – скрываясь в ванной комнате. Среди единого пространства сантехники и средств гигиены компромата существовало не меньше. Электрическая бритва, зубная щётка с древесным углём соответствующего цвета, лосьон после бритья и мужской шампунь – всё отправилось в мусорку. А до меня только тогда дошло, что как раз данные предметы выбрасывать было вовсе не обязательно. На них фамилия владельца не числится. И всё равно не остановилась. После того, как оказалась включена вода, чтобы замаскировать шум, в ведро продолжали лететь один предмет за другим, в том числе и вытащенные из крафта рамки с совместными фотографиями. Слишком остро вспыхнуло желание избавиться абсолютно от всего, что в первую очередь мне самой напоминало о том, кто столь бессовестно предал. Скатившиеся следом слёзы по моим щекам я также бескомпромиссно смахнула. Жаль, в этот раз не особо помогло. Стоило лишь раз взглянуть на бархатную коробочку в своих руках, которую, в отличие от всего остального, так сразу выбросить я всё-таки не решилась, как слёзы полились градом, а с губ сорвался жалкий всхлип.

Может, всё же не выбрасывать золото?

Оформить возврат.

Сдать в ломбард.

Или...

Ничего я не сделала. Так и осела на пол, прислонившись

спиной к тумбе с раковиной, с больше ненужными кольцами в руках, не в силах перестать на них смотреть. Очень уж больно показалось лишний раз просто пошевелиться. В груди колело и пекло, а по щекам вновь и вновь катились предательские слёзы, никак не желая прекратиться.

За что?

Что я сделала не так?

Что во мне самой не так?

Ведь всё же было хорошо.

А было ли в самом деле?

Наверное, будь на моём месте девушка поумнее, то давно заподозрила бы, что что-то реально не так, ведь даже на то же знакомство с моими родителями каждый раз у бывшего жениха находилась какая-либо причина для отсрочки. То нужно поработать подольше, потому что друг заболел и горит отчётность, то машина сломалась и надо срочно сдать её в ремонт, то...

Может, это я одна считала, что всё у нас хорошо?

А ему чего-то не хватало?

Или он меня вообще никогда не любил?

Использовал.

Зачем тогда сделал предложение?

Почему банально не расстался, прежде чем посмотреть на другую?

Изменил...

Обманул.

А я...

Дура, получается, раз верила?

Полнейшая.

Настолько недалёкая, что, пока рыдала, упиваясь собственной жалостью, позабыла о том, как сильно растечётся тушь, на кого я теперь буду похожа ещё и внешне, и даже не заметила, как щёлкнул механизм дверной ручки, когда та повернулась, а дверь приоткрылась.

– Можно? – поинтересовался Роман Владимирович.

Оглядела себя и окружающее. Мигом подскочила с места, чтобы выпрямиться и посмотреть на себя в зеркало. И тут же взвыла, ударившись головой об угол керамогранитной столешницы, чьи края выступали за стенки тумбы. Боль – адски жгучая, пронзила насквозь. Меня согнуло пополам, а ладони сами собой схватились за место удара. Конечно, то ни сколько не помогало. Пришлось крепко зажмуриться, сжаться всем телом и закусить нижнюю губу, чтобы не выдавать себя ещё больше, пока буду терпеть и ждать, когда приступ поутихнет. Так и не ответила я мужчине. А он всё равно всё услышал. Оказался рядом в считанные мгновения, прекрасно распознав причину моего состояния. Присел рядом, аккуратно перехватывая мои пальцы, убирая их, очевидно, чтобы осмотреть ушиб.

– Ничего, скоро пройдёт, – утешил негромко.

Пока я открывала глаза, чтобы взглянуть на него, он приподнялся, потянувшись к полотенцу. Смочил его часть хо-

лодной водой, льющейся из крана, а затем вернулся в прежнее положение, приложив ткань чуть выше моего лба.

– Кажется, это становится традицией, – усмехнулась встречно. – Спасать меня из нелепых ситуаций.

Он ничего не сказал. Мягко улыбнулся. Не перестал улыбаться и тогда, когда заметил в моей правой руке коробочку с кольцами, которую я так и не отпустила. Вот только теперь его улыбка приобрела оттенок сожаления и сочувствия.

– Надо выбросить, – поспешила я избавиться от неё.

Не от коробочки. От его сочувствующей улыбки. Выбросить украшения смелости до сих пор не хватало. Наверное, именно поэтому я протянула футляр с кольцами ему.

– Если надо, значит выбросим, – согласился он со мной, забирая коробочку.

В отличие от меня, совсем не медлил, когда отправил ту к остальному мусору. Она упала с глухим ударом. И будто не о стекло в белой рамке ударилась. О моё сердце разбилась. Или оно само разбилось. Вот так просто. Всего за секунду. Не тогда, несколько часов назад. Именно сейчас. Может быть потому, что я только в этот момент приняла – назад пути нет и не будет. Невозможно.

Придётся продолжать жить.

Вместе со всем этим.

Иначе.

Как именно?

Не имела ни малейшего понятия.

Но ничего.

Я научусь.

Прямо сейчас и начну учиться.

Тем более, что...

– Раиса Павловна решила, что я должен это передать, – отвлёк от минутной слабости Роман Владимирович, заодно объяснил причину своего появления.

Рядом с ним лежал небольшой свёрток из ткани, повязанный бантиком, который я прежде не заметила. Платье. Бабуля мне каждый новый год дарила по одному, это являлось нашей с ней личной традицией. Она мне – платье, я ей – платок. В этом году в моём подарке для неё будет не совсем платок – палантин: шёлковый, с притягательным пряным колоритом, без изнанки и двусторонний, надеюсь, ей тоже обязательно понравится. Развёрнутое платье в глубоком синем оттенке было простого кроя, средней длины, и мне – точно сразу понравилось.

– Спасибо, – поблагодарила, притягивая к себе наряд.

Переодеться однозначно стоило. Собственно, тем я и собиралась заняться до того, как меня накрыла истерика. Да и боль от удара головой почти прошла, ощущалась уже не столь сильно.

– Чай Раиса Павловна уже заварила, – поднялся на ноги Роман Владимирович, собираясь оставить меня вновь в одиночестве.

За это я ему тоже была благодарна.

На секундочку...

Он почти вернулся к двери, когда я вспомнила кое о чём ещё.

Я в жизни сама не сниму платье, которое на мне!

А значит...

– Подождите, – окликнула я его, ещё до того, как сама мысль не успела до конца сформироваться в моей голове.

Мужчина остановился. Обернулся. А у меня язык к нёбу будто прилип. И дальнейшее далось намного сложнее:

– Не могли бы вы мне ещё немного помочь? – вздохнула.

В широте благородства Роману Владимировичу было не отказать. Вернулся. Правда, до того, как я ему пояснила, с чем именно мне надо помочь.

– Платье, – призналась неохотно. – Мне его самой не расстегнуть, – повторно вздохнула.

Развернулась к нему спиной. Не только для того, чтоб процесс с раздеванием пошёл быстрее. Смотреть в глаза тому, перед кем всё ниже и ниже падала моя гордость, тоже не решалась. Тем более, что словесного ответа не последовало. Я даже почти решила, что мужчина всё-таки сейчас выйдет, как минимум бабулю позовёт. Либо для того, чтоб она сама мне помогла. Либо для того, чтоб ей пожаловаться на все мои недвусмысленные приставания. Хотя ни того, ни другого не последовало. Зато моего плеча коснулись его мозолистые пальцы. Я аж вздрогнула от неожиданности. И да, нервничать ещё сильнее начала.

С чего бы?

Может, потому, что шнуровка и крючки, с которыми следовало расправиться, находились намного ниже и уж точно не совсем на моём теле? А я как-то совсем не готова оказалась к столь откровенным прикосновениям, когда кожа к коже и никаких преград. А может всё дело в том, каким обжигающим показалось это прикосновение.

И пусть мужчина всего лишь подобрал и убрал мешающие волосы, перекинув их на одну сторону, после чего в самом деле потянул за шнуровку, которую надо было сперва ослабить и распутать. Я как задержала дыхание ещё в самом начале столь деликатной ситуации, так и замерла. Ровно до момента, пока не расслышала тихое и вкрадчивое над самым ухом:

– Если будете так напрягаться, решу, что вам страшно. Я разве настолько ужасен?

Шумно выдохнула. Смутилась. Вдохнула заново. Постаралась дышать как можно размереннее.

– Скорее наоборот, – обернулась.

И снова дышать перестала. Не ожидала, что его лицо окажется настолько близко, что почти столкнулись нос к носу.

– Наоборот? – усмехнулся Роман Владимирович. – Это вряд ли. По-моему очень даже мило смотрится эта ваша вариация косметической раскраски в стиле панды.

Вероятно, это была шутка, призванная подбодрить и успокоить. И я ей даже улыбнулась. Но потом до меня дошло,

о чём именно он говорил. Моментально рванула к зеркалу. Правда, не учла, что шнуровку он не сразу отпустил. Хорошо, что мой спаситель сам это учёл, и когда я пошатнулась, равновесие всё же удержала. Не стала на этом заикливаться. А вот над чёрными разводами от туши под глазами – очень даже сконцентрировалась! Чуть не снесла в шкафчике половину тюбиков и бутыльков, так торопилась схватить мицеллярку, смочить ей пару ватных дисков, а затем поправить свой внешний вид, избавляясь от свидетельства своей недавней истерики. Управилась быстро. Возвращаться на несколько шагов назад не пришлось. Роман Владимирович с самым благопристойным видом продолжил распутывать шнуровку, пока я над уничтожением очередных улик страдала. Да с такой невозмутимостью и ловкостью он это делал, словно не в первые, и мы оба вообще каждый вечер такое проворачиваем, когда с работы домой возвращаемся.

– Когда я сказала «Наоборот», имела ввиду совсем не себя. Вас, – немного запоздало, но вернулась к тому, на чём остановился наш недавний разговор.

Шнуровка оказалась полностью вытащена. И отложена в сторону. Оставалось расстегнуть крючки, которых насчитывалось тоже немалое количество.

– Я не настолько недогадливый, – хмыкнул мужчина, продолжая свои манипуляции.

Опять смутилась. И поняла, что кое-кто банально недолюбливает получать комплименты в свой адрес, потому и пе-

ревёл направление беседы с себя на меня. Я и сама в таких признаниях не очень сильна, тем более по отношению к мужскому полу, вот и добавила:

– Нет. Правда. Спасибо вам, – вновь обернулась к нему. – За всё. Не знаю, что бы я без вас делала и как бы справилась, если бы не встретила вас этим вечером.

Едва ли треть застёжек была обезврежена, но каждое новое прикосновение его пальцев к следующим ощущалось на моей коже всё ярче и острее, несмотря на то, что мужчина явно старался действовать как можно аккуратнее и без лишнего физического контакта. В последнем я была стопроцентно уверена, стоило лишь вспомнить хотя бы то, как мне помогали снимать платье после предыдущих примерок.

– Мне не сложно, а вам... улыбка вам идёт гораздо больше, чем слёзы, – по-своему расценил мои слова Роман Владимирович.

Кажется, если идеальный мужчина и существует, то я его совершенно точно нашла. А ещё, по всей видимости, мы тут слишком надолго со всем этим застряли, потому как в дверь торопливо постучали. И не менее торопливо через неё вторглись.

– Чай уже остывает! – непреклонно заявила бабуля, распахивая деревянное полотно. – Долго вы ещё будете...

Как начала, так и закончила. Язык себе прикусила.

Вместе с коротким:

– Ой...

И нет, чтоб просто выйти!

Или помочь!

– Ничего, забудьте. Я ещё заварю. Вы продолжайте. Не отвлекайтесь, – торопливо ретировалась прочь.

И не только она. Моё частично расстёгнутое платье тоже соизволило начать меня покидать.

В последний момент поймала!

Да так и зависла, прижимая ладони к груди, в очередной раз сгорая от стыда в присутствии Романа Владимировича. Тот, к слову, ничем таким ни разу не отличился.

– Теперь наличие ипотеки точно не оправдывает отсутствие заказанных правнуков, – проводил уход женщины задумчивым взором мужчина.

Я тоже призадумалась.

О степени его идеальности.

Как и о том, что ж я бедовая такая дверь на замок изначально не закрыла за собой.

А ещё...

– Может, останетесь тогда? Со мной. До завтра. С нами, то есть, – выдала всё сразу и вслух, пока не передумала и от собственных желаний не открестилась. – Ну, если вас никто дома в самом деле не ждёт. Новый год же всё-таки, – закончила уже не столь уверенно.

Оправдалась, как смогла!

И очень постаралась удержать лицо, равно как и постаралась не жалеть о собственном предложении, даже если

за ним последует отказ, ведь Роман Владимирович не спешил с ответом. Сперва вернулся к крючкам на платье с которыми надо было всё-таки завершить.

– Не ждёт, – подтвердил мои слова. – Так что... почему бы и нет? – дополнил, немного погодя.

С этого мгновения держаться лицо и дальше для меня больше не представлялось возможным.

– Правда? – обрадовалась.

Настолько сильно, что чуть не обняла его от радости. Хорошо, стоило пошевелиться, как платье опять поползло вниз, и я вспомнила, что стоило бы попрердержать эту свою радость при себе, заодно о нормах поведения не забывать.

– Не в моих правилах сперва раздеть девушку, а потом оставить её, как есть, на произвол судьбы, – улыбнулся Роман Владимирович. – К тому же, сами сказали, у вашей бабули слабое сердце и ей нельзя слишком переживать, – прокомментировал своё решение. – Тем более, что я в правоохранительных органах работаю и должен помогать людям, – припомнил мне и это.

Улыбнулась ещё шире прежнего.

– Может, в таком случае, перейдём на «ты»?

– Определённо.

Глава 3

Моя семья решила захватить не только все мои новогодние праздники, но и мою кухню. Холодильник был полным, я об этом позаботилась ещё вчера, да и доставка готовых блюд тоже должна была вскоре явиться, но старшие женщины Ларины сочли нужным привести с собой еды ничуть не меньше. По их мнению, все блюда к столу стоило готовить собственноручно, а не пользоваться «сомнительными услугами», поэтому первым делом по возвращению из ванной комнаты, я получила суровое наставление «быстренько настрогать» салатики, в частности и в первую очередь – «селёдку под шубой» из заранее сваренных ими овощей.

Что сказать...

В предусмотрительности им не откажешь.

Традиционные салаты папа очень любил, поэтому спорить не стала. И даже подавила все свои возможные ворчливые замечания о том, что уж самую сельдь можно было не цельную, а уже обработанную взять.

Но то я.

Остальным всё равно нашлось, о чём ещё поворчать.

– А нормальный обеденный стол так и не купила, – угрюмо заметил папа, стоя посреди гостиной.

Уже начала догадываться, почему не проходил дальше и не усаживался. Очень уж красноречиво смотрел на моё ра-

бочее место у окна, где покоился ноутбук.

– Вот взяли бы с Маришей, да и купили бы сами, – возразила на папины слова бабуля. – У девочки и так ипотека, она пока с ней расплатится, ещё сто лет пройдёт, – добавила, не скрывая сарказма, покосившись на меня.

Не настолько уж и верил в моё долголетие и будущее здоровье банк, когда мы документы о покупке этой квартиры подписывали, но влезать не стала. Как и указывать им всем на то, что никакой обеденный стол мне не нужен, ведь неспроста зону кухни от зоны гостиной отделяла барная стойка, за которой сейчас удобно устроилась мама, которая успела к этому моменту засунуть курицу в духовку, и теперь собиралась пить чай вместе со своим сыном и свекровью. Про то, что сама бабуля правнуков от меня за весь этот длиннющий срок так и не дожждётся, не припомнили в довершение, и на том спасибо. Зная бабулю, вот точно еле стерпела. Тем более, мне и без того было чем заняться. Например, тоскливо разглядывать свою будущую пытку, из которой надо все косточки повытаскивать.

– Вот и купим, – не стал спорить с ней и папа.

Убрал мой ноутбук, решив использовать письменный стол вместо обеденного, а затем собрался переставить его поближе к дивану.

– Я помогу, – услышала я тут же от Романа Владимировича.

Не про стол. Про то, из-за чего в своих мыслях я снова

почти рыдала горючими слезами, пусть и стойко делала вид, будто это не так. Хотя от встречного в его адрес удивлённого взгляда не удержалась.

– Я живу один и не люблю фастфуд, уж и с рыбой как-нибудь управлюсь, – усмехнулся он на такое моё видимое недоверие.

В отличие от моих родственников, мужчина обошёлся чашкой эспresso без сахара, которую допил в несколько глотков. И действительно принялся помогать. Не я одна оценила. Бабуля и мамуля уставились на него такими восторженными взглядами, что мне опять неловко стало. Перед ним. И опять за всё.

– И я помогу! – заметил всё это дело Никита, соскочив со стула.

Помогать на этот раз предложили не мне. Папе. На самом деле письменный стол я и сама с лёгкостью самостоятельно двигала, если то требовалось, не такой уж он и тяжёлый, но от помощи отказываться старший Ларин не стал. И даже очень успешно сделал вид, будто без сына бы не справился. Последующая гордость за собственный поступок, светящаяся в глазах самого мелкого из нас, того определённо стоила. Про всю свою неловкость я, глядя на радостного ребёнка, моментально подзабыла. Вспомнила о том, за что я так люблю их всех, и сколько ещё могу вытерпеть, лишь бы всегда быть частью этой семьи.

– Стулья нужны, – призадумался папа, как и остальные,

глядя на Никиту. – Эти не подходят, – указал на те, где располагались женщины.

Барная мебель действительно немного не соответствовала. По крайней мере, в том положении, в каком пребывала сейчас. И не одна я это учла.

– Почему это не подходят? – возмутился младший брат.

– Так они ж высокие, – хмыкнул папа.

– Так их же можно сделать ниже, – не согласился с ним

Никита.

– Да? – изумился папа. – Не знал.

Гордости за себя в младшем Ларине прибавилось. Я же переключилась на будущее оливье, в частности – контейнер с варёным картофелем. Правда, как открыла крышку и взяла в руки нож, так и отложила.

– Ну, раз со столом и стульями решили, давайте ещё с вашим ЗАГСом разберёмся, – типа совсем в тему объявила бабуля, сконцентрировавшись на мне.

Неспроста я нож отложила. Точно бы себе по пальцам захала. Но руки срочно занять чем-то всё равно очень надо было, вот и схватила из вазы мандаринку, которую принялась упорно чистить, делая вид, что занята.

– Это был не ЗАГС, я же тебе уже говорила, – буркнула в своё жалкое оправдание.

Чистить мандаринку принялась упорнее прежнего.

– Да? Ну, допустим, – ни разу не поверила мне бабуля. – А домой ты в платье этом своём пришла тогда почему?

– Красивое, кстати, – вставила мама. – Мне понравилось.

– И мне, – поддакнул папа.

Разумеется, это совсем не означало, что они встали на мою сторону. Как и бабуля, уставились на меня с большим ожиданием.

И вот что сказать?

Особенно, если от собственного вранья и без того тошно.

Правильно, правду. От которой не менее тошно.

Но что уж тут...

Вдохнула поглубже.

Выдохнула.

– Пока я примеряла платье, в ателье произошла драка. Серьёзная. С последствиями. Сотрудникам ателье пришлось вызывать полицию и скорую. А потом всем не до каких-то там переодеваний стало, – выдала, как есть.

Не соврала. Умолчала о многом, в том числе о непосредственном отношении к случившейся драке. Но ведь и не соврала. Почти возгордилась собой. Как только получила одобрение в серых глазах находящегося поблизости за прозвучавшую искренность, и вовсе полегчало. На секундочку.

– Драка? – округлила глаза мама.

– Как это драка? – охнула бабуля.

Вся побледнела. Выронила из рук чашку. И охнула снова, потому что обожглась. Чай разлился ей на руки и юбку. А я заработала строгий взгляд от папы, прежде чем ринулась ей на помощь.

– Я сама, – остановила меня мама.

Чашка не разбилась, нужно было всего лишь поднять, а на мокрые пятна она накинула салфетку. Мне же ничего не осталось, как вспомнить о своей мандаринке. Раз уж до-чистила, принялась возвращаться в кухонную зону и зани-мать свои руки дальше, отделяя дольки.

– Драка! Подумать только! Да что ж это такое делается, посреди белого дня и драка, да ещё и в общественном ме-сте? – так и не отошла от шока старшая из Лариных, качая головой. – Вот так и отпускай внучку в большой город! К зве-рям ко всяким на растерзание! – принялась причитать, вы-ражая праведное негодование.

– Люди бывают разные. На то место и общественное. Ка-кой город – большой или маленький, тут совершенно не при-чём. Что поделать? Всякое случается, – вздохнул подошед-ший к ней папа. – Нас ведь это никак не касается, чего ты распереживалась на пустом месте, – укорил. – Да, Лера? – обернулся ко мне.

Вроде бы вопрос. Но скорее непосредственное требование в целях подтверждения.

Мысленно выругалась.

Матом!

– Как видите, я цела и невредима, – развела я руками. – Никакого участия в чужой драке не принимала.

Снова выругалась про себя. И выругалась ещё не едино-жды, едва бабуля схватилась за грудь, шумно втягивая в себя

воздух, запрокидывая голову.

– Что-то душно здесь. Может, откроем окно, а Мариш? – попросила она свою сноху.

Та торопливо закивала и махнула рукой Никите, чтоб тот так и сделал.

– Только ненадолго. Не хватало ещё простудиться всем, – предупредила мама.

А сама за бабулиными лекарствами отправилась.

– Ты точно не пострадала? – прищурилась тем временем бабуля, разглядывая меня. – Не задели, ироды окаянные? – опять распереживалась. – Руки бы им всем повывёртывать, чтоб не размахивали ими... – проворчала.

– Не задели, бабуль. Всё нормально со мной, – улыбнулась я виновато.

Я ведь и правда виновата. Перед всеми ними. За то, что расстроила. И за очередное враньё.

Хорошо, мама быстро вернулась.

– На вот, пей, – протянула ей пару таблеток.

Налила в стакан воды и проследила за тем, чтоб та всё выпила вместе с лекарствами. Я со своей мандаринкой к этому моменту тоже наполовину справилась. Проглотила, даже не жевала, переживая за бабулю ничуть не меньше, чем она за известие о драке, ворчливо припоминать которую она и тогда не перестала.

– И с чего они драться вообще вздумали? – поинтересовалась у меня. – Кто такие?

Выражаться про себя матом я так и не перестала. Но на этот раз оправдываться и придумывать что-либо ещё не пришлось.

– Ой, ей-то откуда знать? Сказано же, наша Лера тут не причём, – влезла мама. – И вообще, давайте лучше о чём-нибудь другом поговорим? – не выдержала в довершение.

Я была всецело очень даже «За» последнее предложение, но отсвечивать не стала. Понадеялась на то, что они сами найдут себе какую-нибудь тему для дальнейших дискуссий, которая на этот раз меня уж точно касаться не будет. Отвернулась от них. На хранящем всё это время молчание Романе Владимировиче сосредоточилась. И, раз уж сказать мне ему тоже было особо нечего, пошла знакомым путём. Мандаринку я мужчине предложила.

– Вкусная, – похвалила.

Тот отказываться напрямую не стал. Но перевернул испачканные ладони и показательно уставился на них.

– Правда вкусная, – нисколько не прониклась я.

А мандаринку сама ему скормила. Сперва одну дольку, затем, как только прожевал, ещё одну. Понравилось неожиданно такое нехитрое действие, вот и скормила. Всю мандаринку до конца. Встречное от него: «Спасибо», в купе с лёгкой такой же благодарной улыбкой и вовсе стёрли все остатки осевшего в душе негатива.

За нож и картофель я всё же взялась...

А женщины семьи Лариных тему себе для беседы тоже

нашли. Посвящалась она действительно не мне. Зато тому же Роману Владимировичу.

– Лера говорила, ты, кажется, работаешь в офисе, да? – деловито поинтересовалась у него бабуля.

Папа под шумок закрыл окно. Мама, которая решила заново налить бабуле чай, тоже заинтересовалась данным вопросом.

– В основном, – не стал отрицать мужчина.

Я же мысленно усмехнулась, вспомнив один из таких «офисов» с гербом Российской Федерации.

– Наверное, это очень престижный офис, – подхватила мама, оценив внешний вид Романа Владимировича.

Не только наличие строгого галстука, который на нём по-прежнему был должным образом затянут. Именно она приучила меня знать ценность наручным мужским часам, ведь папа был к ним всегда равнодушен.

– Можно и так сказать, – согласился на свой лад и в этом Роман Владимирович.

– А что за офис? Где? – вставила бабуля. – Как называется? Чем занимаетесь?

Где-то здесь я пожалела о том, что прежде не взялась за вторую мандаринку. Я когда сильно нервничаю, у меня вообще рот не закрывается. Или много болтаю. Или ем. Или и то и другое вместе. Вот и сейчас, раз уж собственную болтливость приходилось сдерживать, машинально засунула в рот дольку картофелины, которую разрежала.

И совершенно зря я это сделала!

Чуть не подавилась.

Вместе с...

– Не так уж и далеко отсюда. На Новокузнецкой, – назвал совсем не тот адрес отделения полиции, в котором мы встретились, зарождая во мне некоторые сомнения. – Прокуратура, – добавил, ответив сразу на оба последних вопроса... оказывается, господин прокурор.

Мало того, что я чуть не подавилась, так ещё и закашлялась. Просто потому, что эта картофельная долька поперёк горла встала. Но то я. Обе Ларины засияли чистейшим восхищением, да с таким азартом и радостью, словно только что выиграли джек-пот. Именно на этой ноте я и поняла, что мне хана. Полная. Безоговорочная. Как и самому господину прокурору. Теперь хоть сто раз им рассказывай, что всё происходящее – банальное недоразумение с ноткой моего вранья в целях всеобщего благополучия. Всё равно не отвертимся.

Стало совсем грустно.

Вот не мог быть заурядным участковым?

А может нам всё-таки повезёт, и он в районной прокуратуре посыльным, уборщиком или курьером каким-нибудь работает?

Как говорится, мечтать не вредно.

И да, в этом мне не повезло.

– Так вы у нас господин прокурор? – подумала вслух примерно о том же, о чём и я, мама деловитым тоном.

Ага, мне вот тоже, моментально, как ей, обратно на «Вы» к нему перейти захотелось. И пожевать что-нибудь более существенное, чем очередная картофельная долька, которую я в себя снова запихала. Чтоб молчалось лучше.

А то знаю я её это «У нас»! Был сперва мой фальшивый жених, а теперь уже всё – общий. Хочет не хочет, а настоящим всё равно станет.

– Ну прокурор и прокурор, с кем не бывает? – всё-таки не смолчала я.

Роман Владимирович на мои слова снисходительно улыбнулся. Никак комментировать и без того понятное не стал. Бабуля же вместе с мамой одарили возмущёнными взглядами. А я как представила себе всё то, что они могут ему рассказать про своих шумных соседей, вероломную управляющую компанию, невежливых медсестёр в поликлинике... жевать я принялась интенсивнее, в общем.

Как и орудовать ножом.

И совершенно напрасно!

Мои ожидания будущих жалоб представителю закона в целях поиска мировой справедливости ни разу не оправдались. А бабуля с мамулей превзошли сами себя.

– А как вы с нашей Лерочкой познакомились? – коварно поинтересовалась мама.

Как есть со своей свекровью в стовор вступила!

Тайный. Против меня. Неспроста же это своё коварство проявила. Я ведь им уже рассказывала историю знакомства

со своим женихом. Вряд ли они её забыли. Бывшим женихом, ага. И он – совсем не тот, кто находился с нами в этот вечер. А значит...

– Ай! – сорвалось с моих губ, наравне с пронзившей пальцы острой болью.

Я ж так распереживалась, что нас сейчас спалят, что ножом себе по пальцам всё-таки заехала. Но надо отдать должное, случайный манёвр превосходно сработал. Про конспиративный допрос все тут же позабыли.

– Что такое, Лерочка? – забеспокоилась бабуля.

Мама мигом подскочила с места. Я же зажала кровоточащий порез и на пару секунд крепко зажмурилась, закусив нижнюю губу, чтобы было легче перетерпеть, не страдая вслух и дальше.

– Ничего страшного, – тут же успокоила самую старшую из нас мама, осторожно касаясь меня.

Повезло и в том, что Роман Владимирович к этому моменту закончил с рыбой и освободился. Быстро вымыл свои руки и отодвинул в сторону пришедшую мне на помощь родительницу, попросив ту найти аптечку. Нужную коробочку она искала не так уж и долго.

– В крайнем верхнем шкафчике справа, – подсказала я ей.

Дальше – дело нехитрое. Промыть и обработать порезы, заклеить указательный и средний пальцы пластырем. Я бы и сама с лёгкостью справилась, но вместо этого стойко изображала смирение, пока мужчина решительно проделывал всё

обозначенное сам.

Что сказать...

Спасать меня – почти состоявшаяся традиция!

– Спасибо, – поблагодарила, как только он закончил.

Мужчина тепло улыбнулся и кивнул. А вот бабуля томно вздохнула. Пока мама обеспокоенно кружила вокруг нас, подглядывая за всеми происходящими манипуляциями, самая старшая из Лариных, удобно подставив ладошку под подбородок, наблюдала за происходящим, явно призадумавшись о чём-то своём. Слишком уж вид у неё был мечтательный и довольный. Как оказалось немного позже, тоже насчёт господина прокурора. То и выдала, стоило нам в её сторону взглянуть:

– И как только такого мужчину намного раньше к рукам не прибрали? – озвучила риторическим вопросом.

Где-то здесь я опять нервничать начала. И ещё больше, как только ответ она всё же получила.

– На самом деле я был женат. Дважды.

О том, что у господина прокурора была жена, я и так знала. Но к тому, что их было две – я оказалась почему-то не готова. Как и мамуля, приоткрывшая от изумления рот. Хорошо, папа и Никита к этому моменту опять ушли к машине, вспомнив о чём-то своём, и дополнительный вопрос последовал лишь в одном направлении.

– Да? – удивилась бабуля, демонстративно замолчала, с прищуром внимательнее разглядывая Романа Владимиро-

вича. – А что с этими женщинами было не так?

Лично у меня задёргался глаз!

Сразу после того, как я очередной картофельной долькой подавилась. Опять закашлялась. Такая вариация допроса не понравилась не только мне. Вид у того, к кому обращалась бабуля, моментально стал мрачнее грозовой тучи. Хотя надо отдать должное, выражать вслух посетившую господина прокурора мрачность он не стал. Да и вообще очень быстро, как говорится, взял себя в руки. Может быть даже ответил бы ей что-нибудь вежливое или отстранённое в своём стиле. Если бы не я.

– Ба! – возмутилась я вместо Романа Владимировича. – Скажешь тоже, – укорила.

Женщина округлила глаза и приняла самый святой вид, на который только была способна её частично артистическая душа. Но всё равно тут же заявила:

– И скажу, – отозвалась, вопреки напускному покаянию.

Я же одарила её таким осуждением во взгляде, словно она только что родину предала и мой фальшивый жених – впрямь настоящий, но теперь мы его начинаем безвозвратно терять. Тем более, что реакцию господина прокурора было вполне можно понять. Если знать то, о чём он мне говорил ранее.

– Ну а что? – нисколько не прониклась моим немым посылом бабуля. – Должна же я знать, кто и при каких обстоятельствах к моей внуч...

Что именно она там вдруг кому-то стала должна, я так и не узнала. У Романа Владимировича зазвенел телефон. От короткого и хмурого: «Слушаю!» лично я чуть не подпрыгнула. Очень уж захотелось стойку смиренно моментально принять. Хорошо, он моей реакции не заметил. Ушёл по телефону разговаривать. По работе. На балкон.

– Вот обязательно было, да? – так и не позволила я бабуле высказаться. – Ушла от него жена. Трудоголик он, что непонятного? Пока был на работе, она себе другого нашла. Не обязательно же ему это при каждом удобном случае припоминать?

О резкости собственного высказывания я задумалась лишь после того, как излила всё своё негодование. В отличие от бабули, о собственных словах и выбранном тоне в чужой адрес, сразу же пожалела. Почти собралась с последующими извинениями. И хорошо, что не успела.

– Хм... Одна – гуляющая, – вовсе и не заметила моего осуждения самая старшая из Лариных, лишь утвердившись в своих предположениях. – А с другой что?

Я шумно выдохнула. Сжала кулаки. Порадовалась тому, что господин прокурор на балконе и нас не слышит.

Что там с другой его женой, я и сама не знала. Не удивлюсь, если то же самое. Но ей признаваться ни в том, ни в другом я ни за что не стала. Внешний мир вновь напомнил о себе звонком. На этот раз в домофон.

– А это не наше дело! – пошла открывать.

Подумала, что это папа с Никитой вернулись и им помощь в открытии нужна. Но это оказались совсем не они, а курьер с заказанной мной ранее доставкой. Готовые блюда я у него приняла и отнесла на кухню. Хотя распаковывать не стала.

– Мы тут сами закончим, доченька, – мягко возразила мама. – Вы и так хорошо помогли. Идите, отдохните немного. Ночь впереди ещё долгая, – посоветовала в довершение, надевая на себя фартук.

Если уж на то пошло, не так уж и много мы с готовкой помогли. Но спорить не стала. Она же меня на самом деле выпроваживала для того, чтобы бабуля снова злоупотреблять моей нервной системой не начала. Вот я и согласилась. К тому же, и правда устала. В первую очередь морально. Передышка очень была нужна. Да и Роман Владимирович до сих пор оставался на балконе. Он у меня застеклённый и с изоляцией, но не до такой степени тёплый, чтоб там комфортно и долго находиться в зимнее время года. Переключив внимание на последнее, я вернулась в прихожую, забрала из шкафа мужскую дублёнку, себе на плечи накинула прошлогодний пуховик, который этой зимой носить уже не планировала, но выбросить было жаль. И хорошо, что никуда не дела. Вот – пригодился. Как и тёплые тапочки.

К тому моменту, как я дошла до запланированного местоназначения, свой телефонный разговор Роман Владимирович как раз успел завершить. Но я всё равно, закрыв за собой дверь, осталась сперва топтаться рядом с ней. Очень уж

вид у мужчины был задумчивым и хмурым, пока он смотрел куда-то прямо перед собой сквозь стекло.

Это неизвестный собеседник на него так повлиял?

Или бестактность моих родственников?

В любом случае...

– Здесь холодно, – собралась с духом и заговорила первой, тогда же шагнула к нему ближе, протянув ему его верхнюю одежду.

Отказываться он не стал. И даже поблагодарил коротко. Больше ничего не сказал. Вернулся к созерцанию вида городской панорамы, горящей ночными огнями, запустив руки в карманы, убрав в один из них телефон. Кажется, вновь о чём-то своём призадумался. До такой степени глубоко и надолго, что вытащенная следом пачка сигарет – скорее привитый привычкой рефлекс, нежели осознанное решение. Как достал, посмотрел на меня, вспомнил, где и с кем находится, так и засунул обратно. Ощутила себя лишней. Но и тогда не ушла.

– Есть и другие способы задобрить состояние своего равновесия, – хмыкнула, думая о том, что вряд ли бы я осудила или запретила, закури он на самом деле.

Кажется, ещё немного, и я сама курить начну.

Хорошо, если только это...

– Да? – усмехнулся собеседник. – И какие, например?

Да с такой заинтересованностью уставился, что разочаровать его стало грех. А из всех возможных вариантов вы-

брала... пусть будет самый нетривиальный.

– Например, я могу вас обнять, – пожала я плечами.

Нет, я не спятила. Просто глядя на того, в чьих глазах цвета стали может быть столько пустоты, в самом деле захотелось хоть как-то её заполнить. Тем более, что встречная реакция мужчины на такое моё неожиданное заявление действительно того стоила.

Господин прокурор в растерянности – это нечто!

– После того, как вы помогли мне снять с меня моё свадебное платье и утирали мне слёзы на полу ванной, думаю, будет не так уж и странно, – добавила с улыбкой.

Приведенный мной аргумент он тоже оценил.

– Хм...

Дождаться продолжения от него я не стала. Просто сделала, как собиралась. Действительно обняла крепкий торс. Обеими руками. Так сильно, как только сумела, прикрыв глаза, плотно прижавшись щекой к белой рубашке. Последнее – уже не для него. Для себя. Ведь во всём этом в самом деле было что-то такое... помогающее. Дарующее частичку чего-то по-настоящему хорошего. Когда вот так просто. От всей души. С теплом. Которое стало лишь отчётливее ощущаться, когда мужчина обнял в ответ. Не так крепко и порывисто. Скорее осторожно, словно опасался навредить мне или разрушить данное мгновение.

– Кажется, и правда, помогает, – прокомментировал совсем тихо.

Так и не отпустил.

– Вот видите, я же обещала, – запрокинула голову выше, чтобы посмотреть на него и убедиться в том, что действительно помогает, глядя глаза в глаза снизу-вверх.

Оно и помогало. Как минимум потому, что Роман Владимирович кое о чём ещё вспомнил:

– Разве мы не договорились перейти на «Ты»?

– Договорились, – кивнула.

Не рассказывать же ему о том, что у меня язык не поворачивается? И это тоже скорее рефлекс, нежели нечто осознанное. Я и не рассказала. Шумно выдохнула. Вдохнула заново. И в прежнее положение вернулась. Нет, не отпустила. Глаза закрыла, малодушно наслаждаясь и дальше. Минуту – точно, так и простояла.

– Они не со зла, – призналась позже.

Ещё один шумный выдох – уже не мой. Его.

– Я знаю, – отозвался он также тихо.

Кивнула. Ничего больше говорить не стала.

И так – очень хорошо...

Глава 4

– Чем ты занимаешься? – прозвучало тихим и слегка задумчивым от Романа Владимировича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.